

злѣды оказали отпоръ вашему намѣренію,— оно вдругъ ослабѣло, воля ваша исчезла, характеръ спрятался, а любовь ко мнѣ сказалась больною; все святое, все ваше отлетѣло отъ васъ,—и въ письмѣхъ ко мнѣ очутились только слова, слова, слова, да ложь, ложь и ложь... Ахъ, Marie, Marie! Пока дѣло шло о такихъ выраженіяхъ любви, какъ, напр., подарить крестикъ и обязать меня носить его, перекрестить и проч., вы были смѣлы и рѣшительны. А какъ дѣло коснулось до пожертвованія крошечку по существу, вы испугались бѣлой горячки... Что жъ ваша любовь ко мнѣ, ваше чувство?... Робко же вы любите!... Вы говорите, если бъ вы были сиротою, совершенно одинокою, вы ни минуты не поколебались бы ѣхать въ П. и не испугались бы остаться два-три дня до вѣнчанья подъ одною кровлею со мною. Не вѣрю, Marie, рѣшительно не вѣрю. Есть положенія въ жизни, для которыхъ не существуетъ условій, которыя не допускаютъ если бъ. Таково положеніе—любовь, особенно для женщины. Это ея долгъ, обязанность, религія, и для женщины нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ всѣмъ жертвовать религіи своего сердца. Любовь даетъ ей силу творить великое и пристыжать свою силою гордаго, сильнаго мужчину. Принести жертву—еще дѣло не великое: великое въ томъ, чтобы насладиться, обрѣсти источникъ счастья въ собственной жертвѣ. Жертвы, дѣлаемые по холодному долгу, часто убиваютъ (напр., ввергая въ бѣлую горячку); жертвы, совершаемые по любви, даютъ счастье тому, кто приноситъ ихъ. Иначе я не умѣю понимать ни любви, ни самоотверженія.

Вы на меня смотрите какъ на своего жениха, т. е. какъ на человѣка, съ которымъ вы можете быть связаны навѣки, но съ которымъ вы еще не связаны навѣки. Я совсѣмъ иначе смотрю на наши отношенія. Вы въ моихъ глазахъ давно уже жена моя, съ которою уже не можете у меня быть разрыва. И поэтому я думаю, что если, женившись на васъ, я буду имѣть право выписать васъ изъ-за тысячи верстъ по первой надобности, то почему же общество теперь не признаетъ моимъ этого права.

Слушайте же, Marie, что я скажу вамъ теперь, и вѣрьте—я не обманываю васъ—каждое слово мое вѣрно и честно. Вы пишете ко мнѣ, что въ М. можно обвиняться скромно, словомъ, какъ я хочу: это обстоятельство дѣлаетъ то, что *убѣжденія* мои уже не помѣшали бы мнѣ пріѣхать въ М., но *обстоятельства*, это дѣло другого рода, и кланюсь вамъ Богомъ и честью, что, съ этой стороны, *пріѣхать* въ М. я *никакъ не могу*, какъ бы ни желать этого. Для васъ (о, только въ трудныя минуты моей жизни сознавалъ я, какъ глубоко и сильно люблю я васъ!)—я сдѣлалъ бы это охотно, мнѣ было бы пріятно пощадить вашу слабость и принести вамъ эту жертву, но это не въ моей власти, по тремъ причинамъ, изъ которыхъ каждой одной достаточно, чтобы я и не думалъ о возможности этой поѣздки. *Во-первыхъ, деньги.* Marie, ваше женственное тонкое чувство деликатности не допускаетъ меня до подробныхъ объясненій по части этой статьи. Повѣрьте мнѣ, что я скорѣе мотъ, чѣмъ скряга, и если ужъ я заговорилъ о деньгахъ, какъ о пренятствіи, значитъ дѣло не шуточное. Впрочемъ, я и на деньги еще не поспотрѣблъ бы: нѣсколько безсонныхъ ночей и нѣсколько дней тяжелаго труда впереди не испугали бы меня, — хотя я знаю, вы сами потомъ бранили бы меня за недостатокъ

откровенности по сей части. Во-вторыхъ, мои отношенія къ журналу и Краевскому. Оставить М. безъ статьи въ это время, въ то же время поставивъ Краевскому въ необходимость достать и дать мнѣ 3000 р. денегъ, которыхъ онъ мнѣ не долженъ,—согласитесь, что если я былъ бы такъ наглъ, то онъ могъ бы не быть такъ уступчивъ. Видите ли, вы меня заставили же, наконецъ, быть вполне откровеннымъ съ вами. Я существую только „Отецъ. Записками“, и больше ничѣмъ. Плату получаю не задѣльную, а круглую, т. е. не по статьямъ, а въ годъ—4500 р. Теперь я собираюсь просить его, чтобы онъ прибавилъ мнѣ еще 1500 р., чтобы я получалъ въ годъ ровно 6000 р., а въ мѣсяцъ 500 р. По его же собственному расчету, намъ съ вами, на столъ, чай, сахаръ, квартиру, дрова, двоихъ людей, прачку и проч. никакъ нельзя издержать менѣе 250 р. въ мѣсяцъ или 3000 р. въ годъ: такъ нельзя же, чтобы столько же не оставалось у насъ на платье и разныя непредвидѣнныя издержки! Теперь сообразите сами: какимъ образомъ я буду имѣть безстыдство просить у Краевского прибавки жалованья и за это отпуска, т. е. права оставить одну книжку „О. З.“, въ такое критическое для журнала время, безъ моей статьи? Я ужъ не говорю о томъ, что убѣдить Краевского, какъ и многихъ въ Петербургѣ, въ томъ, что мнѣ надо ѣхать въ М., а вамъ нельзя ѣхать въ П., нѣтъ никакой возможности,—такъ же, какъ нѣтъ никакой возможности убѣдить иныхъ москвичей въ томъ, что ничего нѣтъ худого ѣхать невѣстѣ къ жениху, но что это даже хорошо, какъ знакъ ея желанія сдѣлать легкимъ тяжелый для обоихъ шагъ. О третьей причинѣ я писалъ къ вамъ въ прошедшемъ письмѣ. Документовъ у меня нѣтъ и послать въ М. нечего. Если я пошлю университетское свидѣтельство, мнѣ потомъ не по чѣмъ будетъ взять отъ части позволенія на выѣздъ и не съ чѣмъ будетъ остановиться въ трактирѣ (ибо, по моимъ убѣжденіямъ, остановиться у вашего дядюшки я никогда и ни за что въ мірѣ не соглашусь). Грамоту изъ Пензы я могу получить завтра, но могу ее же получить и черезъ три мѣсяца. Свидѣтельство о смерти отца надо выхлопывать, а когда же это? Въ Петербургѣ же, священникъ церкви института корпуса путей сообщенія вѣнчаетъ меня по одному университетскому свидѣтельству и больше ничего отъ меня не требуетъ (а отъ васъ требуется—и то, когда вы пріѣдете—метрическое свидѣтельство да позволеніе отъ вашего родителя), и съ будущаго воскресенья (17 окт.) начинается оклики, для чего я вчера пересталъ къ нему ваше имя, отчество и фамилию. Получивъ письмо, я долго былъ въ страшной нерѣшимости—отложить окликъ или нѣтъ. Не знаю, худо или хорошо я сдѣлалъ, но рѣшился не откладывать. Marie, моя добрая, моя милая Marie, у вашихъ ногъ, рыдая, обнимая ваши колѣна, цѣлуя край вашего платья, умоляю васъ, спасите меня отъ горя и отчаянія, сдѣлайте меня вполне счастливымъ—пріѣзжайте; но рѣшитесь на это твердо, мужественно, проникнувшись чувствомъ обязанностей, которыя налагаютъ на васъ любовь, если вы любите меня. Что мнѣ въ вашемъ вынужденномъ рѣшеніи? Оно убьетъ меня, отравитъ мое счастье. Я и такъ давно влеку какое-то тяжелое существованіе, которое было прервано вашими святымъ, благоуханнымъ письмомъ отъ 5 окт., а теперь оно опять охватило меня своимъ холодными и слизистыми лапами. Вы страдаете сами, да зачѣмъ же вы, бѣдный и милый другъ мой, страдаете безъ достаточной причины? Зачѣмъ пугаете себя